

Спевший дуэт (с мэром Москвы Юрием Лужковым)

— Зачем же ехали?
— Я попросил.
— А Кобзону отказать нельзя?
— Нельзя. Потому что я никому не отказываю. Знаете, сколько раз обращались ко мне со всевозможными просьбами — выбить квартиру, устроить на лечение или на учебу в институт, найти работу, уладить конфликт? Не сосчитать! Всегда помогаю чем могу. Поэтому и на ответную услугу, в которой нуждаюсь крайне редко, я впрямь рассуждаю.

Если же вы намекаете, будто Кобзону отказывать себе дороже, потому что он раздавит и в порошок сотрет отступника, то... Надеюсь, отношение коллег ко мне строится на уважении, а не на страхе. Нет оснований меня бояться. Я законопослушный гражданин, депутат...

— ...бизнесмен.
— Обищаетесь. Из бизнеса я ушел три с половиной года назад.
— Так же, как и со сцены, да?
— Верно, мол, прощается, но не уходит? Да, я участвую в каких-то процессах, занимаюсь определенным лоббированием, но это уже другое качество, иной бизнес.

Что касается эстрады, то я сдержал слово и после своего шестидесятилетия не дал ни одного сольного концерта, ни разу не выехал на гастроли. Уступил дорогу молодым и призвал их: занимайте мое место. Если, конечно, сумеете...

С другой стороны, есть определенное состояние души, я остаюсь творческим человеком и не могу наступать себе на горло.

— Душа поет?
— Одна будет петь, пока я жив! Как ни крути, а уже сорок три года на сцене... Меня по-прежнему постоянно просят исполнить то или иное произведение, принять участие в благотворительной акции, концерте. Это уже не коммерция, а проявление гражданской позиции. Я давно не смотрю на ление как на способ пополнения своего бюджета.

— Но от гонимых не отказываетесь!
— Не хочу ханжиться: мне платят, и я беру. Однако никто ведь не спрашивает, откуда у Кобзона деньги, которые он регулярно перечисляет в благотворительные фонды, жертвует на гуманитарные акции.

Не в моем стиле настаивать на гонимых, я никогда не оговариваю сумму: мол, за пятнадцать тысяч долларов спую, а за пять тысяч и рот не открою. Хотя есть у нас звезды, которые требуют и сто, и сто пятьдесят тысяч долларов за выступление. Самое удивительное — иные организаторы гастролей выкладывают такие суммы!

Но я о другом говорил. О том, что стараюсь внести посильный вклад в сохранение нашей культуры. Для этого пою, не жалую вре-

мени, сил, денег. Недавно Дума во втором чтении обсуждала проект бюджета России на будущий год. На пленарном заседании я попросил слова, но спикер Селезнев, как обычно, меня проигнорировал. А сказать я хотел об одном: нельзя голосовать за бюджет, в котором вновь урезаны средства на культуру. Неужели мы в самом деле хотим превратить Россию в страну дебилов? Из Думы я поехал в Никулинский цирк на Цветном бульваре, отмечавший в тот вечер свое 120-летие. Сидел, смотрел на арену и, не скрою, плакал. Наверное, это возраст, с годами становлюсь излишне сентиментальным. Я ведь в свое время тоже начинал в цирке...

Словом, сидел и думал: «Почему бы не провести здесь выездную сессию Госдумы?»
— В цирке? О да, отличная идея! А кого на арену выпустит?
— Не надо никого на арену, пусть посидят в зале, посмотрят на настоящее искусство.

— Представляю заголовки в газетах на следующий день...
— Высмеять можно что угодно. Я говорю о серьезной проблеме. Легко утратить традиции, растерять накопленное за столетия, а кто потом ответит за бездуховность наших детей и внуков? Я на себя такой грех брать не хочу...

— А почему вы сказали, что тоже в цирке начинали?
— Потому что так и было. Я учился в Гнесинке и задыхался от безденежья. Из общезнания на Трифоновской в институт нужно было ехать с четырьмя пересадками — двумя трамваями и двумя троллейбусами. Деньги на билеты взять негде, вот и катался «зайцем». Иногда ловили... Плохо без гроша в кармане. Пытался подрабатывать на разгрузке вагонов на Рижском вокзале, но там и без меня хватало голодных студентов. В общем, я пошел в цирк в надежде найти себе какое-нибудь дело, и мне разрешили петь в прологе и эпизоде представления...

А что касается вашей реплики о возможных заголовках в газетах после визита депутатов в цирк, то она лишь доказывает, что я не ошибаюсь, ненавижу журналистов.
— Даже так!
— Именно! К журналистике как к профессии я отношусь с пониманием, уважительно, но к отдельным ее представителям...
— Иосиф Давыдович, может, не стоит переходить на личности? Иначе мне придется вступиться за коллег, и мы втянемся в малопродуктивный спор.
— А что спорить? Я говорю о тех, кто дискредитирует профессию. Хотя я знаю массу прекрасных журналистов, мужественных, смелых людей с честной и открытой

гражданской позицией. Поэтому и обидно, что кое-то, беспринципный и аморальный, поганит их дело.

— По-моему, вам обидно не только за это...
— Никому не понравится, если его имя будет регулярно попускать в газетах. А за меня ведь всплыв не вчера. Уж сколько лет упражняюсь в сочинениях о моей причастности к мафии, торговле наркотиками и прочей ахинея. Казалось бы, было время убедиться, что это вранье не срабатывает, народ не реагирует на домыслы. Успокойтесь! Нет, начинается новый виток — на скандально-бытовом уровне. Пишут, якобы Кобзон был замечен в общественном туалете, где занимался чем-то непотребным, якобы кадрил каких-то женщин в ресторане... Я придумал определенное тем, кто подобным образом зарабатывает на жизнь: бумажные киплеры. Они убивают своих жертв медленнее, но верно. Поэтому лучший способ защиты...

— ...нападение!
— Я человек мирный... Проще не замечать. Когда спрашивают: «Читал? О тебе написали», — все чаще отвечаю: «Не читал. И не буду». В конце концов, я ведь понимаю: недобросовестные журналисты — лишь орудие в руках истинных заказчиков мутного потока лжи и клеветы.

— О ком вы?
— А то сами не знаете! Генетическая неприязнь администрации президента России к Кобзону жива и поныне. Меня по-прежнему не приглашают на кремлевские и правительственные приемы, хотя по статусу обязан это делать, ибо я являюсь кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени и автоматически должен попадать в число гостей. Но я не сетую и не иду ласку вождя, хотя в день вступления президента Путина в должность и имел с ним сорокаминутную беседу. Благодарен Владимиру Владимировичу за то, что он выслушал меня. Разговор получился прозрачным. Я говорил о судьбе своего законопроекта о защите чести и достоинства гражданина России, о том, что по вине российских спецслужб у меня возникли проблемы во взаимоотношениях с американскими властями. Путин сказал, что постарается во всем разобраться и исправить.

— И как!
— Никак.
Дорога в Кремль мне по-прежнему закрыта. Иногда это оборачивается вредом общему делу. Скажем, сейчас много разговоров о здании российского гимна. Я же не первый год занимаюсь этой темой. В частности, храню письмо про-

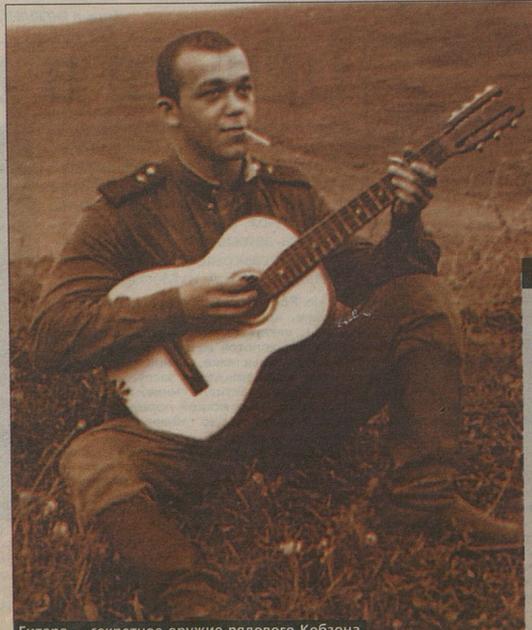
«Как молоды мы были...» (70-е годы)

У Иосифа Давыдовича с «Собеседником» свои, особые отношения. Все было — и обиды, и непонимание, и взаимные претензии вперемежку с оскорблениями и судебными разбирательствами. Но, как говорится, кто старое помнит...

— Скучно живете, Иосиф Давыдович.
— Я! Кто вам это сказал? Я живу активно, может, даже чрезмерно активно.
— Значит, активизируетесь нынче на другом фронте. Помню, какие темы мы прежде с вами обсуждали: Кобзон и Квантришвили, Кобзон и Япончик, Кобзон и Коржаков, Кобзон и его жены, на худой конец Кобзон и его парик... Песни, а не темы! А сегодня, что предложить мне вам сегодня?
— Может, Кобзон и Дума?
— Ну-у-у, Иосиф Давыдович, вы сказали...
— Напрасно недооцениваете. Мой округ находится в семи тысячах километров от Москвы, а я бываю там регулярно и ради встреч с избирателями проезжаю еще по несколько сот верст по абсолютному бездорожью. Живущие в европейской части России, наверное, не очень представляют, что такое бездорожье. Это не просто плохая дорога, это полное ее отсутствие! В сухую погоду еще можно как-то передвигаться, а в распутицу... Но я еду к избирателям, не запрашивая предварительного прогноза у синоптиков. Боле того, недавно спровоцировал коллег-артистов, и они вместе со мной полетели в Бурятию и дали там концерт. Наташа Королева, Валерий Меладзе, группа «Любэ»... Поездка стала для ребят суровым испытанием. Поначалу стонали, все-таки условия оказались приближенными к боевым. Но после недели пребывания в Забайкалье настроение у артистов переменялось, они по одному подходили ко мне и благодарили за то, что я помог им изнутри увидеть жизнь народа.

— Думаю, нашим звездам этих впечатлений хватит лет на десять.
— Ребята приобщились к тому, чем живут простые люди. В Москве этого не увидишь.
— Приобщение было бесплатным!

Иосиф Кобзон:

Гитара — секретное оружие рядового Кобзона

мой убийцы опоздали...

анкета

Кем хотели быть в детстве
Мечтал быть сытым, наестся от пуза. Я и в горный институт потому пошел, что шахтерам больше всего платили

Наибольшая удача в жизни
То, что я родился в этой стране. В СССР

Наибольшая неудача
Это даже не неудача, а проблема. Времени катастрофически не хватает. А неудач было много — и в любви, и в браках, и в дружбе, и в бизнесе...

Что нравится в людях
Люблю внешне красивых. Завидую тем, кем не стану — летчикам, космонавтам, подводникам, гонщикам, актерам

Что не нравится в людях
Черная зависть и предательство

фессора Санкт-Петербургской консерватории Никитина, в результате пятилетнего исследования документально доказавшего, что мелодия, под которую последние годы живет Россия, является католическим гимном шестнадцатого века.

— Глинка — плагиатор!
— Не надо приписывать Глинке авторство! Композитор исполнял в опере «Жизнь за царя» найденное в архиве произведение, но никогда не говорил, что написал его!

Словом, мне есть что сказать тем, кто пообещал вести Россию в 2001 год с новым гимном, но ведь не зовут, не спрашивают!

— Как думаете, почему так происходит? Власть меняется, а отношение к Кобзону остается прежним.
— Это советская генетика. На мне клеймо: лужковец.

— Да ну... Юрий Михайлович уже в одном самолете с Владимиром Владимировичем летает, в одной электричке ездит.
— Бросьте! Это ни о чем не говорит. Конечно, хотелось бы, чтобы отношения у власти Москвы и Кремля наладились, но постерегся бы делать оптимистичные прогнозы. Пока знаю одно: у нас появился молодой, энергичный президент и — что особенно ценно — физически здоровый и трезвый. И может ли он поддаться над традиционной неприязнью к московскому мэру? Посмотрим. Стереотипы, к сожалению, преобладают с большим трудом. И по отношению ко мне, в том числе.

— Может, если бы прежде бы не наговорили столько о КГБ, сегодня уже были бы приняты при дворе.
— Я ведь говорил о системе!

— Верно. Люди этой системы и прибирают сейчас власть к рукам.
— Нет-нет-нет! Система КГБ разрушена, ее бойцы разбрелись кто куда. Чекист Бобков, к примеру, состоит на службе в «Медиа-Мосте»...

— А чекист Путин — на службе в Кремле.
— Что тут скажешь? Якобы на недавней встрече старых путинских друзей в Питере один спросил другого: «Мог ли Владимир Владимирович еще год назад представить, что станет президентом России? Думал ли об этом, мечтал ли, снилось ли ему такое?» А второй товарищ и говорит: «А нам снилось!»

Понимаете, господин Случай вмешался...

— По-вашему, не ошибся этот господин!
— На мой взгляд, сегодня президенту приходится постоянно лавировать между айсбергами...

— Это фамилия!
— Айсберг? Нет, прошу не проводить аналогий с айсбергами или штейнбергами и их с ними... Владимир Владимирович уклоняется от столкновений с льдинами, с подводными рифами, поэтому скорость набирает медленно. Может, так и надо. Я верю Путину, искренне верю. То, как он ко мне относится, в данном случае значимости не имеет, хотя, конечно, хотелось бы, чтобы отношение было нормальным.

Хорошо уже то, что за последние полгода хуже нам не стало.

— Вам, может, и не стало.
— Я о стране говорю. Путин правильно понял: сначала надо накормить Россию, ибо голодный народ не признает царя. Когда люди будут сыты, тогда можно и другими делами заниматься.

— Однако ведь Византия жила.
— Вы о дворцовых интригах? Да, так всегда было. Личные отно-

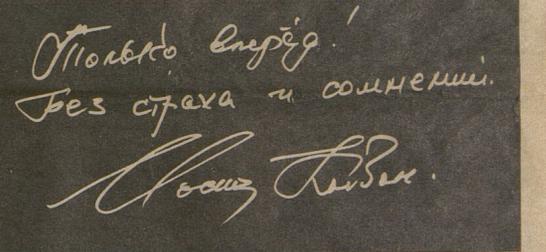
шения значат в Кремле очень много. Приведу пример из собственной практики. Правительство России определило двенадцать депрессивных округов, которые нуждаются в первоочередной помощи центра. Я пытался узнать, по какому принципу выбирались эти регионы, если у нас вся страна депрессивная. Логично понять невозможное! Почему сегодня надо помогать Туве, Якутии и Калмыкии, а не Забайкалью? Нет ответа! И помощи Кобзону, впрочем, не подсуешили, и его избиратели оказались наказанными. Бегаю, кланяюсь деньгами, а мне говорят: все, поезжай ушел.

Вот вам и личные контакты...
— Но сейчас ведь у власти те, кто, скажем так, вырос на ваших песнях.
— Да, Кобзона могут любить или ненавидеть, но со мной нельзя не считаться. Необязательно выпонят просьбу, но хотя бы выслушают. Есть, правда, и исключения. Меня упорно игнорирует министр внутренних дел Рушайло. Думаю, спецслужбы расправились с Отариком Квантришвили, имевшим конфликт с Рушайло. Помнит и мое обвинение, что это его, министра, подчиненные дали обо мне ложную информацию миграционным службам США, чтобы воспрепятствовать въезду Кобзона в Америку. А о том, что я пятнадцать лет руководил общественным советом ГУВД Москвы, что стал первым лауреатом премии МВД России, главную милиционер страны, видимо, запамятовал. Это времен Шолохова я неизменно участвовал во всех концертах, посвященных Дню милиции, лишь в этом году по приказу министра меня сняли с программы. Значит, так тому и быть. Одно скажу: Рушайло рано или поздно уйдет, а Кобзон останется. Даже если уйдет, я буду жить в памяти

планов, но это не значит, что ради его исполнения стану приспособляться к жизни. Конечно, я нормальный человек и боюсь стихий, не люблю летать самолетами, но не в моем характере пасовать перед подлецами и негодями. Понимаю, сегодня можно заказать любого. Какую-нибудь бабушку, наверное, убит и за сто долларов, бизнесмену несует голову за тысячу, Кобзон, пожалуй, потянет на большую сумму...

— На какую!
— Могут и бесплатно шлепнуть. Из ненависти. А могут, наверное, и полмиллиона отвалить. Хотя, с другой стороны, майор Беляев, которому заказывали мое убийство, не выполнил задание. Отказался от денег. Все-таки лишить жизни известного человека не каждый способен.

— Но Влада Листьевя лишили.
— Судьба... Может, и меня так не считают. Небязательно выпонят просьбу, но хотя бы выслушают. Есть, правда, и исключения. Меня упорно игнорирует министр внутренних дел Рушайло. Думаю, спецслужбы расправились с Отариком Квантришвили, имевшим конфликт с Рушайло. Помнит и мое обвинение, что это его, министра, подчиненные дали обо мне ложную информацию миграционным службам США, чтобы воспрепятствовать въезду Кобзона в Америку. А о том, что я пятнадцать лет руководил общественным советом ГУВД Москвы, что стал первым лауреатом премии МВД России, главную милиционер страны, видимо, запамятовал. Это времен Шолохова я неизменно участвовал во всех концертах, посвященных Дню милиции, лишь в этом году по приказу министра меня сняли с программы. Значит, так тому и быть. Одно скажу: Рушайло рано или поздно уйдет, а Кобзон останется. Даже если уйдет, я буду жить в памяти

содержал семью геннадия хазанова

Большинство артистов, которые в те или иные моменты жизни пересеклись с Иосифом Кобзоном, говорят о нем исключительно как о благодетеле.

Надежда Бакина:
— С Иосифом я познакомилась очень-очень давно, во времена совместной работы в Московском центре. Мы регулярно пересекались на общих выступлениях, гастрольях, чьих-то юбилеях. Но самой неожиданной для меня была наша встреча 9 мая в парке Горького. В тот день у меня должно было состояться выступление. Утром подождо к центру рального входа, а там меня уже поджидал Иосиф. Подходит он ко мне, начинает поздравлять. Ну, думаю, с Днем Победы. А он мне и говорит: «Чего меня-то поздравлять, я уже давно заслуженный артист, а ты только сегодня им стала!» Так, от Кобзона, я и узнала о присвоении мне высокого звания.

Лев Лещенко:
— Моя первая встреча с Кобзоном произошла на гастрольях в Тамбове — тогда о моей сольной карьере и речи не шло. Я работал с оркестром. Выступая в разных отделениях, мы отработали 6 концертов. Иосиф показался мне неприветливым, чересчур серьезным, резким в оценках. После гастрольей наши пути разошлись.

Я вспомнил об Иосифе Давыдовиче, когда в моей жизни всерьез встал вопрос о необходимости выхода на большую сцену. В моем репертуаре отсутствовали песни, которые позволили бы добиться успеха. Кобзон отдал мне две свои, они и принесли мне популярность. А без Иосифа у меня вряд ли бы что получилось.

Геннадий Хазанов:
— Я познакомился с Иосифом благодаря своим выступлениям на ТВ. Не могу сказать, что мы сразу начали тесно общаться, но друг друга всегда понимали. Однажды мне понадобилось срочно уехать на гастроль в Южную Америку, семья осталась в буквальном смысле без средств. Когда я вернулся, то узнал, что Иосиф в мое отсутствие помог моей жене деньгами. Я ему за это бесконечно благодарен.

Юлиана АНАНИНА.

людей. Меня можно отправить в могилу, но не вычеркнуть из биографии страны.

— На моей памяти вы не впервые заводите разговор о насильственной смерти. Уж не готовите ли себя к подобному исходу?
— Я не исключаю его, хотя не тороплю старуху с косой. Жить мне надоело, у меня растут внуки, с которыми мы еще даже не успели поговорить — малы они. У меня много нереализованных